

Возможности и проблемы инвестиционного обеспечения развития нефтегазового сектора Российской Федерации

© 2015 Галаев Андрей Петрович

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

191023, г. Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21

E-mail: Andrey.p.galaev@mail.ru

Рассмотрены вопросы инвестиционного обеспечения развития нефтегазового комплекса Российской Федерации. Показано, что в современных условиях темпы роста инвестиций опережают темпы роста добычи нефти. Проанализированы преимущества и недостатки реализации соглашений о разделе продукции в нефтегазовом комплексе для государства и корпорации.

Ключевые слова: раздел продукции, нефтегазовый комплекс, возмещение затрат.

Решение проблемы повышения эффективности функционирования российской экономики и отдельных ее отраслей в современных условиях непосредственно зависит от инвестиционного обеспечения их развития. Как известно, именно инвестиции являются основой формирования и развития всех современных экономик. При всем многообразии подходов к определению понятия инвестиций, применительно к проводимому исследованию мы считаем наиболее приемлемым определение, данное С.Е. Нарышкиным: “Инвестиции - это экономический механизм, позволяющий обеспечивать расширенное воспроизводство реального капитала общества, включающего, помимо основного капитала, такие его формы, как человеческий и природный капитал”¹. Если с тем, что автор выделяет только человеческий и природный капитал, но не упоминает о других его формах, можно не соглашаться, то определение инвестиций как механизма, обеспечивающего экономический рост, на наш взгляд, является наиболее точным. Напомним, что ранее декан экономического факультета МГУ Александр Аузан в эфире радиостанции “Эхо Москвы” называл инвестиции “мотором”, без которого экономика РФ находится в состоянии “клинической смерти”².

1999–2007 гг. стали для российской экономики (вплоть до наступления финансового кризиса 2008 г., переросшего в кризис экономической) периодом активного инвестиционного развития, позволившего не только полностью преодолеть последствия кризисных процессов 1990-х гг., но и добиться определенных результатов в социально-экономической сфере. При этом определенными предпосылками роста экономики явился рост объема инвестиций, связанных с трансграничным перемещением капитала - иностранных инвестиций в Россию и вложения российских инвесторов за рубежом.

Мировой финансовый кризис, начавшийся во второй половине 2008 г., привел к тому, что приток капиталов замедлился (на 14 % против 2007 г.), а часть капиталов стала покидать Россию. В 2008 г. отток капитала был рекордным с 2000 г. и достиг 132,8 млрд долл. Выводу подвергся преимущественно спекулятивный капитал, тем не менее приток иностранного капитала существенно замедлился. В посткризисный (2008–2009 гг.) период отток капитала из России, несмотря на все разговоры о благоприятном инвестиционном климате, продолжал расти (в 2010 г. чистый отток капитала составил 38,3 млрд долл.; 2011 г. - 84,2 млрд долл., из которых на возврат международных кредитов пришлось 43 млрд долл., остальные - бегство капитала из страны)³. По итогам 2012 г. отток капитала из России составил около 100 млрд долл.)⁴. Проблемы оттока капитала из России в 2013 г. (62,7 млрд долл.) и особенно в 2014 г. (примерно 150 млрд. долл.) нужно рассматривать отдельно, поскольку они имеют под собой несколько другие, чем в предыдущий период, мотивы.

Состояние российского нефтегазового сектора в современных условиях вызывает большое беспокойство, связанное с низким уровнем производительности труда, высоким уровнем изношенности производственного аппарата, низким уровнем управляемости. Развитие мирового нефтегазового сектора характеризуется опережающим ростом инвестиций над объемами добываемой нефти и газа (рис. 1)⁵.

Видно, что за период 2000–2013 гг. при сравнительно небольшом росте объемов добываемой нефти мировые инвестиции в нефтедобычу выросли почти в 2,25 раза, что является следствием (для России) перемещения основных центров нефтедобычи в районы Севера, в том числе в арктическую зону, истощения запасов и снижения объемов добываемой нефти в традицион-

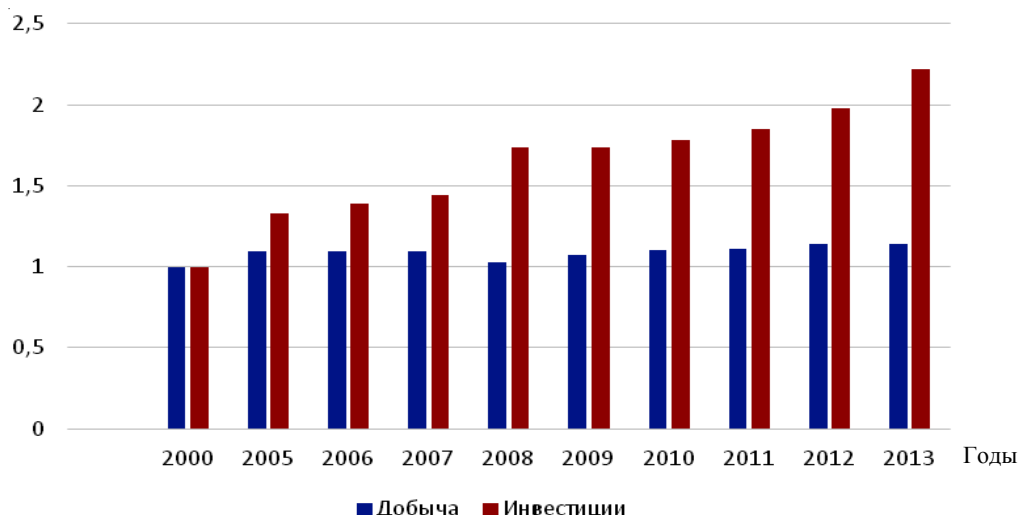

Рис. 1. Динамика инвестиций в нефтяную промышленность и объемов добываемой нефти

ных районах добычи, что увеличивает затраты на разработку малодебитных скважин. Выросли затраты на разведочное и добывающее оборудование, увеличиваются транспортные затраты.

В современных условиях, учитывая санкции, введенные западными странами, практически отсутствует возможность получения из-за рубежа современного разведочного, добывающего оборудования и соответствующих технологий. В частности, введен запрет на поставку в Россию оборудования для глубокой добычи (свыше 152 метров), разработки арктического шельфа и сланцевых запасов нефти и газа, на поставку технологий нетрадиционной добычи энергоносителей: буровые платформы, детали для горизонтального бурения, подводное оборудование, морское оборудование для работы в условиях Арктики, программное обеспечение для гидравлического разрыва пласта (ГРП), дистанционно управляемые подводные аппараты, насосы высокого давления. Введена обязательная проверка конечного получателя технологий нетрадиционной добычи энергоносителей с возможностью отказа в лицензировании. Политика импортозамещения, реализуемая в настоящее время, даст возможность полного обеспечения нефтегазовым оборудованием не ранее чем через 8-10 лет при условии, что импортозамещение (при росте цен на нефть и газ) не превратится в краткосрочную кампанию, как это уже бывало после кризисов 1998 и 2008-2009 гг.⁶

Инвестиционное обеспечение развития нефтяной промышленности также ограничено возможностями привлечения длинных кредитов. В рамках западных санкций запрещена организация долгового финансирования «Роснефти», «Транснефти», «Газпромнефти» и торговля облигациями этих компаний со сроком обращения

свыше 30 дней, а также участие в организации выпусков таких бумаг⁷.

Возможность финансирования инвестиций со стороны отечественных финансовых структур также ограничена как вследствие санкционных ограничений, не позволяющих последним кредитоваться на мировых финансовых рынках, так и ввиду высокой ключевой ставки Центрального банка РФ, которая хотя и снизилась до 10 с 17 % в начале 2015 г., тем не менее остается достаточно тяжелым бременем для предприятий.

Несмотря на сложившуюся геополитическую ситуацию, направленность российской экономики на импортозамещение и отказ от возможного сотрудничества с соответствующими структурами мировых производителей нефтегазового оборудования, в будущем сотрудничество России и стран-производителей современного нефтегазового оборудования неизбежно. Другой вопрос - каков уровень этого сотрудничества, т.е., не доводя ситуацию до абсурда (полностью «подсесть» на западное оборудование и технологии), необходимо привлекать западные нефтегазовые компании к разработке ряда месторождений, оптимально используя их технологические и финансовые возможности.

Нужно отметить, что, хотя динамика иностранных инвестиций противоречива (рис. 2)⁸, тем не менее в современных условиях и в будущем их значимость заключается скорее не в объеме инвестиций, а в возможности использования современных технологий разведки, добычи и переработки нефтегазовых ресурсов, определенный эффект могут принести методы управления нефтегазовыми корпорациями и организации их деятельности, появляется возможность подготовки и переподготовки кадров по современным методикам и др.

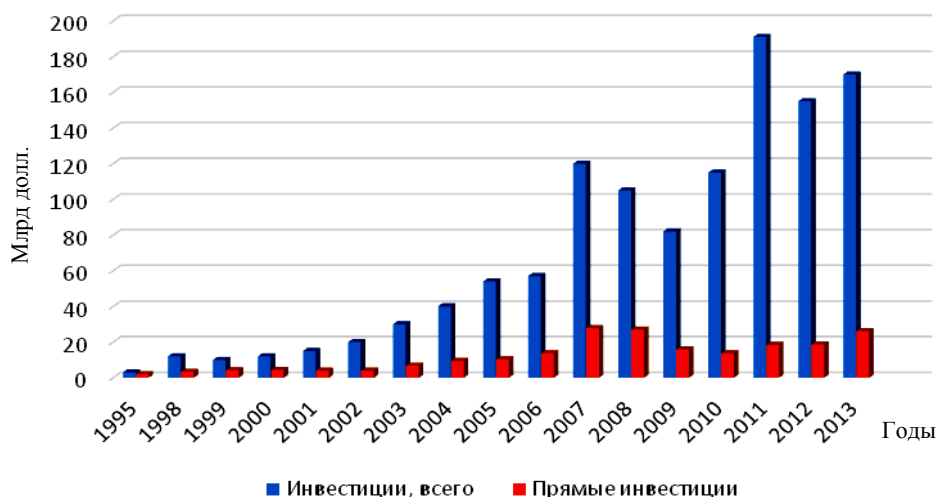

Рис. 2. Динамика иностранных инвестиций 1995-2013 гг.

То есть иностранные инвестиции реализуют собственную функцию, дополняя российские инвестиции, но не замещая их. Кстати, в утешение к падению инвестиций в Россию в 2014 г. следует отметить, что объем ПИИ в мире сократился на 16 %⁹. Одним из весьма значимых направлений иностранных инвестиций являются соглашения о разделе продукции.

Соглашение о разделе продукции представляет собой общий тип контракта (соглашения) по разведке и добыче природных ресурсов (преимущественно, нефть и природный газ) между правительством страны и соответствующей компанией (или группой компаний) относительно доли каждого из них в добытом на данном месторождении полезном ископаемом. Соглашения о разделе продукции использовались в Боливии в начале 1950-х гг., хотя первый широкий опыт их реализации относится к Индонезии в 1960-х гг. В настоящее время они наиболее часто используются на Ближнем Востоке и в Средней Азии. Соглашениями о разделе продукции правительство страны стимулирует нефтяные и газовые компании к проведению исследований (разведке) и добычи полезных ископаемых. Соответственно, финансовые и другие риски берет на себя компания. В дальнейшем, в случае успешной деятельности по разработке соответствующего месторождения, компания реализует добываемую нефть, компенсируя капиталовложения и эксплуатационные затраты. Остающиеся после компенсации затрат компании средства делятся между правительством и компанией, как правило, в соотношении 80 % правительству, 20 % компании. Как отмечается в литературе, соглашения о разделе продукции могут быть выгодны правительствам стран, испытывающим дефицит ресурсов (знаний, финансовых средств,

квалифицированной рабочей силы и др.), что компенсируется привлечением иностранных компаний.

В России соглашения о разделе продукции (СРП) в области освоения и добычи полезных ископаемых, в первую очередь нефти и газа, также стали одним из направлений привлечения и реализации зарубежных инвестиций. Основой соглашений является то, что, используя финансовые средства и технологии инвестора, государство гарантирует инвестору стабильность применения налогового законодательства. Основными документами, регламентирующими использование такой формы инвестирования, как СРП, являются Указ Президента РФ «Вопросы соглашений о разделе продукции при пользовании недрами» и Федеральный закон № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции» (Федеральный закон «О СРП», 1995). Эти нормативные документы и являются базой для привлечения инвестиций по разработке месторождений районов Крайнего Севера, континентального шельфа и других труднодоступных мест добычи нефтегазового сырья, где требуется взаимодействие в рамках СРП.

В рамках данных соглашений Российская Федерация представляет инвестору на возмездной основе и на определенный срок исключительные права на поиск, разведку и добычу минерального сырья, а инвестор проводит все работы, обусловленные договором за свои средства. Особенностью этой договорной формы использования недр является получение инвестором права на компенсацию затрат по разработке нефтегазовых месторождений с момента начала добычи сырья. Продукция же (так называемая «прибыльная») делится сторонами после компенсации инвестору затрат, в зависимости от IRR

(внутренней нормы доходности инвесторов) по проекту, и по условиям, принятым в соглашении о разделе продукции.

Естественно, что начало получения прибыльной продукции российским участником СРП непосредственно зависит от величины затрат, возмещаемых инвестору. Чем меньше величина затрат, возмещаемых инвестору (затрат инвестора, перечень которых регламентируется), тем скорее государство начнет получать прибыль, полагающуюся ему по соглашению. Именно этот момент является наиболее проблемным во взаимоотношениях инвестора и государства в процессе реализации соглашения о разделе продукции, что создало ряд конфликтных ситуаций ввиду недостаточной разработанности критериев оценки и механизма возмещения затрат, механизма контроля затрат и др.

Положения действующих соглашений, регламентирующие перечень возмещаемых затрат, на практике не всегда позволяют сделать однозначный вывод об объективности отнесения их к возмещаемым. В результате периодически возникают конфликтные ситуации, связанные преимущественно со спорами между операторами проектов и контролирующими органами исполнительной власти (Министерство промышленности и торговли РФ) относительно состава и величины возмещаемых затрат, а также порядка их возмещения. Сам вопрос применения СРП в России является достаточно дискуссионным практически на протяжении всего периода от появления первых российских нормативных документов до настоящего времени. При этом публикационная активность по данному вопросу возросла с 1994-го до 2010 г., после чего наступил некоторый спад, однако количество серьезных научных публикаций, на наш взгляд, было ограничено, причем большинство работ носило, скорее, правовой характер. Так, можно позитивно оценить работы А.А. Арбатова, С.М. Богданчикова, А.И. Перчика, А.Б. Василенко, А.Г. Васильевой, А.А. Конопляника и др.¹⁰ В этот же период был защищен ряд диссертаций, в основном, как упоминалось выше, по правовым аспектам СРП. Из экономических можно упомянуть диссертационные работы: А.Г. Васильевой “Развитие методических основ раздела продукции месторождений нефти и газа с учетом фактора экономической безопасности”, В.С. Осмакова “Зарубежный опыт реализации нефтегазовых проектов на основе соглашений о разделе продукции (СРП) и возможности его применения в России”, Р.В. Илюхина “Организационно-экономический механизм соглашений о раз-

деле продукции в нефтедобывающей промышленности” и некоторых других авторов.

В соглашении о разделе продукции заложено в документ распределение прибыли, на наш взгляд, не полностью отражает выигрыш, получаемый тем или иным участником, в том числе государством, поскольку государство получает дополнительные налоги. Только учитывая долю получаемой нефти (в соглашении об СРП), прибыль, лицензионные платежи и налоги, возможно оценить полную долю прибыли, которую получает государство. Так, в Нигерии при оговоренной в соглашении о разделе продукции государственной доле в размере 65 % доля государства в прибыли в целом составляет 81 %¹¹.

В то же время справедливо говорится, что оценка доли государства в прибыли, насколько бы она ни превышала приведенную в соглашении величину, недостаточна, чтобы полностью учесть геологические, политические и инфраструктурные факторы, обеспечивающие привлекательность территории в целом и данного месторождения в частности. Кроме того, доходы компании также получают значительно выше, чем это можно было бы представить из соглашения. Так, при добыче в Омане 750 млн барр. нефти, при удельных капитальных вложениях 1,5 долл. за баррель, при цене нефти 23 долл. за баррель, государственная доля прибыли фактически составила бы 81 %. В то же время IRR (внутренняя норма прибыли компании) составила 31 % по сравнению с обычными 12-15 %¹². Таким образом, и государство, и компания в данном проекте эффективны.

Выше мы говорили о значимости иностранных инвестиций для развития ряда отраслей экономики и, конкретно, о нефтедобывающей промышленности, тем не менее однозначное утверждение западных компаний и, например, таких международных организаций, как Международное энергетическое агентство, о том, что иностранные инвестиции трансграничных корпораций являются структурообразующими для нефтяной промышленности ряда стран, в том числе и России, на наш взгляд, некорректно.

Если рассмотреть соответствующие аргументы, то, думается, технологии, компетенции и навыки могут быть получены через межгосударственные соглашения, не имеющие прямого отношения к соглашениям о разделе продукции (понятно, что не в условиях санкций). Более аргументированы положения, связанные с доступом к капиталу. Конечно, у транснациональных компаний есть более простой доступ к капиталу, и это необходимо учитывать как аргумент в

пользу соглашений о разделе продукции, так же как и возможность корпораций брать на себя риски.

Возможности транснациональных корпораций в привлечении капитала и технического управления проектами должны учитываться также при оценке расхождения целей корпорации и государства в конкретном проекте. Если целью корпорации является обеспечение краткосрочной доходности акционерам (возврат вложенного капитала), что означает максимизацию производства в краткосрочном периоде, и доходности, то целью государства является устойчивый доход в долгосрочном периоде и соответствующие налоги.

Еще один момент, который хотелось бы отметить. Расчеты показывают, что объемы нефти, добываемые в рамках соглашений о разделе продукции, потенциально могли бы быть финансированы из собственных доходов страны, в том числе в пределах бюджетных ассигнований. В частности, внешние заимствования могли бы реализовываться в форме кредита, а увеличение запасов, выявленное в процессе разведки, могло бы использоваться в качестве имущественного залога.

Одним из преимуществ соглашения о разделе продукции, на наш взгляд, могло бы быть ускорение введения в эксплуатацию нефтяных месторождений по сравнению с реализацией этого проекта только за счет ресурсов самого государства.

¹ *Нарышкин С.Е.* Иностранные инвестиции и развитие экономики России : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Санкт-Петербург, 2010.

² *Аузан А.* Как вывести экономику из комы. URL: <http://hbr-russia.ru/biznes-i-obshchestvo/fenomeny/a15967>.

³ ЦБ: чистый отток капитала из РФ за 2011 год составил 84,2 млрд долл. // РИА Новости. URL: <http://ria.ru/economy/20120112/537599843.html>.

⁴ Чистый отток капитала из РФ за весь 2012 год составил 56,8 млрд долл. // РИА Новости. URL: <http://ria.ru/economy/20130111/917779805.html#ixzz2jaw!glrB>.

⁵ *Никитина А.* МЭА: Мировые инвестиции в энергетику. URL: <http://www.ngv.ru/upload/medialibrary/a62/a6256a36e2bc2fa90f0f345b94791c88.pdf>.

⁶ *Анпилов В.* США ужесточили санкции против энергетического сектора России. URL: http://www.sad.ru/gu/forum/?FID=16&PAGE_NAME=read&TID=8756.

⁷ Там же.

⁸ Российский статистический ежегодник. 2003-2014.

⁹ В 2014 году объем прямых иностранных инвестиций в мире сократился на 16 %. 25.06.15. URL: <http://www.finmarket.ru/news/4058628>.

¹⁰ См.: *Богданчиков С.М., Перчик А.И.* Соглашения о разделе продукции. Теория, практика, перспективы. Право. Экономика. Москва, 1999; *Василенко А.Б.* Соглашения о разделе продукции в России. Москва, 2002; *Васильева А.Г.* Контроль возмещаемых затрат - фактор экономической безопасности в соглашениях о разделе продукции // Вестн. Московского университета МВД России. 2008. □ 6; Спор об СРП / под ред. А.А. Арбатова, А.А. Конопляника; сост. М.А. Белова. Москва, 2003.

¹¹ *Petroconsultants, Annual Review of Petroleum Fiscal Regimes.* 1995.

¹² Там же.

Поступила в редакцию 03.08.2015 г.